

Polylogos. 2013-2021

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 4 Volume 4. 2020

Boris Chicherin and Sergey Muromcev: two generations of legal philosophers in Russia and two approaches to understanding the nature of law

Sergey Chizhkov

Institute of Philosophy of RAS

Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation

Abstract

In the 2nd half of the XIX century, serious changes took place in Russian legal science: there was not only a change of generations, but also a change in the principles and methods of building the science of law. The article analyzes the preconditions for such a change, as well as the successes and failures of attempts to build a philosophy of law on the basis of the principles of positivism and "realism". The article shows that this direction of legal thought, despite the desire to overcome the "metaphysical issues of law" or at least take them out of the brackets, could not avoid them. Criticism from Chicherin showed that legal science cannot ignore issues related to the individual and his freedom. These metaphysical problems cannot become the subject of experimental science, and the rejection of metaphysics is precisely the most primitive form of metaphysics itself. The article provides a general analysis of legal positivism and examines the attempt by Muromtsev, undertaken in his last work, to build a harmonious system of interrelation of law and morality based on the concept of complete social determinism of all types of normativity. The article also highlights the little-studied period of joint work of Chicherin and Muromtsev in the Moscow City Duma.

Keywords list (en): B.N. Chicherin, S.A. Muromcev, legal philosophy, legal positivism, metaphysics, personality, freedom, sociology, positivism, social norms

Date of publication: 31.12.2020

Citation link:

Chizhkov S. Boris Chicherin and Sergey Muromcev: two generations of legal philosophers in Russia and two approaches to understanding the nature of law // Polylogos. – 2020. – V. 4. – № 4 [Electronic resource]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013072-1-1/> (circulation date: 08.12.2021). DOI: 10.18254/S258770110013072-1

1 Два выдающихся отечественных теоретика права принадлежали не только к разным его направлениям, но и к разным поколениям. В XIX в. принадлежность ученого к определенному поколению и его принадлежность к определенной традиции в философии права довольно заметно коррелировали. Важно отметить еще одно обстоятельство: если Чичерин принадлежал к поколению либералов, которое готовило реформы Александра II, то Муромцев – к тому поколению, которое на них выросло. Но прежде чем приступить к анализу двух разных взглядов на природу права надо несколько слов сказать о взаимоотношениях двух выдающихся русских теоретиков права. Они складывались не столько в рамках научной дискуссии, но и в ходе совместной работы в Московской городской Думе. Отчасти их взаимоотношения характерны в целом для отношений двух поколений русских либералов. Эти поколения многое объединяло, но, совершенно очевидно, очень много и разделяло.

2 Один из сокурсников Муромцева по юридическому факультету Московского университета вспоминал, что Сергей Андреевич в 1868 г. принял самое активное и даже демонстративное участие в чествовании профессора Б.Н.Чичерина в связи с его уходом из университета в знак несогласия с реакционной политикой на факультете¹. Позднее, в бытность Московским городским головой Чичерин не раз встречался с молодым гласным² С.А. Муромцевым, упоминал его в своих «Воспоминаниях». Чичерин выделял в Московской городской Думе группу гласных из числа городской интеллигенции, врачей и университетской профессуры, при этом особо отмечал активную роль в ней С.А. Муромцева. Эта группа противостояла купеческому сословию, составлявшему в Думе «серое» и «провластное» большинство.

3 Борис Николаевич видел в Муромцеве молодого радикально настроенного гласного, «думского радикала», правда, плохо знакомого с подводными течениями в Думе и оттого выглядевшего иногда «неосновательно»³. Чичерин отмечал, что радикальные выступления Муромцева часто приводили к обратному эффекту, и умеренное дворянство вынуждено было блокироваться с купечеством. Однажды, зная к чему может привести выступление Муромцева, Чичерин даже добился прекращения прений, чтобы не дать Сергею Андреевичу выступить⁴. Мы знаем также из «Воспоминаний» Бориса Николаевича, что во время его отставки Муромцев был в числе тех, кто считал необходимым провести рассмотрение правительственных действий в отношении московского городского головы, провести тщательное и публичное расследование. Муромцев даже был из-за этого вызван «на ковер» к московскому генерал-губернатору Долгорукову⁵.

4 Надо сказать, что Муромцев не просто вступился за Чичерина, но и отстаивал свою принципиальную позицию о недопустимости неправомерного вмешательства властей в дела и прерогативы Думы. Хотя, как уверяет Чичерин, тем самым Муромцев только «подливал масла в огонь»⁶ конфликта. Ситуация повторилась позднее, когда от думских радикалов, которых возглавлял Муромцев, поступило предложение присвоить Чичерину почетное гражданство, что не на шутку испугало купечество, так зависимое от генерал-губернатора и московского чиновничества. Умеренное крыло в лице Д.Ф. Самарина, И.С. Аксакова, В.Д. Аксенова, С.М. Третьякова полагало, что «предложение мне почетного гражданства являлось как бы протестом против действий самого государя и тем самым переходило за черту дозволенного»⁷, – вспоминал позднее Чичерин.

5 Через некоторое время Чичерин вновь был избран в Московскую думу, но, в конечном счете, отказался вновь избираться на должность Городского головы. Интересно, что и Чичерин и Муромцев одновременно покинули Думу в 1893 году после принятия нового Городского положения, но если Муромцев в дальнейшем возобновил свою работу в Думе, то Чичерин в Думу не вернулся, но сосредоточился на защите городского самоуправления в своих публицистических работах.

6 Чичерин обратил внимание на «сочинение молодого ученого г. Муромцева»⁸ в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. еще до личного знакомства в Думе. В первой части своей книги «Собственность и государство», работа над которой была завершена в сентябре 1881

года и увидела свет в 1882 году, Чичерин полемизирует с новым так называемым «практическим» или «реалистическим» направлением в правовой науке, представленным в первую очередь Рудольфом Иерингом и Августом Тоном. В связи с работами Иеринга Чичерин разбирает также и ключевые идеи Муромцева, изложенные в его книге «Определение и основное разделение права» (1879).

7 С.А. Муромцева рассматривали в России как последователя Иеринга, с той только разницей, что он попытался дополнить воззрения последнего на право идеями позитивизма. Общество, в котором живут люди, во многом предопределяет систему их отношений. Общество может содействовать или противодействовать формированию тех или иных отношений, оно может их запрещать или наоборот защищать. Право в этой системе становится тем организованным механизмом защиты, который заранее определяет или предопределяет, какие отношения и как защищаются. Юридическое мышление, согласно Муромцеву, должно, во-первых, «понять и объяснить право, как явление общественной жизни, исследовать его законы»⁹. Во-вторых, «создать практическую теорию, способную руководить в данном месте и при данных условиях деятельностью законодателя и судьи»¹⁰. Сформулированные в общей форме данные требования не вызывают какого-либо возражения. Но мы должны помнить, что эта работа правоведа в качестве ученого должна изначально отбросить, по Огюсту Контю, любые метафизические сущности, «когда на место личного божества становятся абстрактные понятия, “метафизические сущности”, пребывающие вне условий времени, пространства и причинности. Метафизическая стадия в юриспруденции враждебна научному познанию: вместо объективного изучения правовых явлений предлагается слепая вера в догмы права»¹¹.

8 Суть чичеринской критики «реалистического» направления в правоведении заключается в том, что оно совершенно исключает проблему личности и ее свободы из круга ключевых вопросов правовой науки. На первый план в этих работах выступают «цели», «интересы» или, как это имеет место у Муромцева, – «отношения». Личность как таковая либо редуцируется к простым формам ее повседневной жизнедеятельности, либо и вовсе поглощается обществом без остатка превращаясь лишь в функциональный элемент общественного целого. Общество формирует цели и ценности личности, создает необходимые механизмы контроля и принуждения. В том или ином варианте, но всегда и неизменно в результате получается «теория, производящая право из силы»¹². При этом сама свобода понимается не как проявление самоопределения личности, а как совокупность внешних условий, предоставляемых обществом в соответствии с интересами этого общества.

9 Чичерин считает, что замена Муромцевым «защищаемого интереса» Иеринга на понятие «защищаемых отношений» не меняет сути дела, но при этом создает еще большую неопределенность. «*Отношение*, пишет Чичерин, есть еще более широкое понятие нежели *интерес*, а потому еще менее способствует точности определения. Спрашивается: какое это отношение? Г-н Муромцев, в качестве реалиста, понимает его не как мыслимое начало, а в его зависимости от действительных его элементов, от субъекта, объекта и окружающей среды, с изменением которых изменяется и оно. Поэтому он преествово права считает *абсурдом*, “так как отношение, как таковое, не есть конкретный предмет, который мог бы переноситься свободно”. На том же основании отвергается и понятие о восстановлении права. Между тем именно на этих абсурдах держится весь юридический порядок»¹³.

10 «Реализм» Муромцева не просто не замечает, но принципиально отвергает любые понятия, которые нельзя свести к конкретным отношениям и эмпирически обнаружить. Право действительно есть отношение, но отношение опосредствованное мыслью. Если все наше знание должно быть основано на наблюдении, то спрашивается, на каком основании сам Муромцев пользуется понятием общества, которого никто и никогда не видел. Само понятие общества как такового есть метафизическое предположение и «г-н Муромцев, по-видимому, не замечает, что он находится тут на почве чистой метафизики»¹⁴.

11 Надо сказать, что книга «Собственность и государство» вышла с «Посвящением русскому юношеству». В этом посвящении Чичерин говорит, что юношество падко на

«новые идеи», но что многие «новые» и «передовые» идеи на поверку чаще всего оказываются «старым бредом», который приобрел новую силу в «более взволнованной и менее просвещенной среде»¹⁵. Среди новых тенденций Чичерин выделяет одну наиболее прискорбную с его точки зрения. Он говорит о странной ситуации, складывающейся в русской общественной мысли и в науке права. В период, предшествующий реформам, надо было иметь, утверждает Чичерин, определенное мужество, чтобы высказаться вслух против безграничного развития индивидуализма и поддержать государство, нацеленное на проведение реформ. Теперь же, полагает Чичерин, картина прямо противоположная. Не прошло и четверти века, как в русском обществе приходится «доказывать, что государство не все, и что индивидуализм имеет свою, законно принадлежащую ему сферу, в которую государство не вправе вторгаться... Ныне над самым государством воздвиглось новое чудовище, общество, которое прежде считалось совокупностью свободных сил, но теперь является каким-то таинственным лицом, поглощающим в себе не только государство, но и частную сферу, лицом, все направляющим к своим собственным целям и не допускающим никакого самостоятельного проявления жизни. В сущности, это — то же государство, только под другим названием и с гораздо более обширным ведомством. От этого молоха, которому так называемые передовые мыслители готовы все принести в жертву, приходится оберегать самое драгоценное достояние человечества — свободу и все, что связано с свободой»¹⁶.

12 «Реалистическое» направление в правоведении, полагает Чичерин, практически полностью разрывает связь с историей правовой мысли, отказывается от ее наследия и превращает историю мысли лишь в иллюстративный материал, не имеющий ни практического, ни теоретического значения. Первое, от чего отказывается это направление — это от концепции личности и ее свободы как источника права. Наука права, лишенная разумных начал и своего нравственного содержания, не способна противостоять самым диким общественным теориям. К таковым Чичерин относит в первую очередь социалистические теории, превращающие человека в средство для общества. Но и другие теории, ставящие во главу угла общественный эгоизм, не так далеко ушли от социалистических теорий.

13 Чичерин с горечью писал: «Самое понятие о праве совершенно затмилось в современных умах. Оно было низведено на степень практического интереса, ибо для идеальных начал не остается более места... Оно является выражением эгоизма, но не личного, а общественного, превращающего отдельное лицо во вьючное животное, осужденное носить непосильное бремя общественных тяжестей, под которым оно изнемогает. Не только право, но и сама нравственность выводится из того же начала. Индивидуализм должен быть выгнан из этого последнего угла, из области внутренней совести, в которой он старается укрыться»¹⁷.

14 Нельзя сказать, что все эти обвинения со стороны Чичерина в полной мере относятся и к Муромцеву. Уже в одной из первых своих работ, в «Очерках общей теории гражданского права» (1877) он настаивает, что историко-философские исследования права могут раскрывать «связь, существующую между историческими явлениями и природою человека или общества»¹⁸, поскольку такое исследование не просто суммирует и обобщает факты: «Сущность историко-философских трудов заключается в анализе фактов, произведенном чрез введение в исследование какого-либо данного, относящегося к природе человека, или к существу общества»¹⁹. Ниже мы увидим, однако, что «природа человека» будет трактоваться им весьма специфически.

15 Проблема соотношения личности и общества в философии права всеми теоретиками всегда рассматривалась как одна из ключевых по своему значению и метафизических по своей сути, то есть требующей углубленного критического анализа используемого понятийного аппарата, «система познания а priori из одних только понятий» как определил метафизику Кант.

16 К метафизическим вопросам относится целый перечень проблем философии права. Проблема «воли», то есть способности определять себя к совершению поступка, проблема

«свободы воли», то есть способности определять себя к совершению поступка по собственным основаниям и многие другие проблемы. Эти проблемы когда-то были подняты в истории мысли и со временем никуда не ушли, они сформировали пространство философской мысли, внутреннюю культуру философии. На этой культуре формируется способность личности пользоваться своим разумом.

17 Отказ от метафизики на самом деле оставляет позитивистской философии права очень узкую область для исследования и очень скромный набор методов, чтобы исследовать такое сложное явление как право. В результате в сферу интересов попадают те правовые явления, которые как бы лежат на поверхности и доступны «опытному» познанию. То, что за этими правовыми явлениями стоит история и эволюция права, в том числе и эволюция правовой мысли, это остается скрытым от исследователя. Более того, позитивистская методология требует абстрагироваться от истории и подходит к своему предмету так, как он непосредственно дан исследователю в опыте.

18 Поэтому исследователь должен найти явление, которое очевидным образом характеризует предмет исследования. Таким явлением, полагает Муромцев, является поддержание порядка. Муромцев выделяет два рода элементов в сфере общественного порядка. Это элементы личного контроля и элементы общественного контроля.

19 «Строго говоря, - утверждает Муромцев, - полная искренность поступка уже выводит его из сферы и права, и нравственности в смысле порядка, основанного на авторитете общественного сознания. Полная искренность характеризует поступок как произведение личной совести, исключительно личного осознания должного. Об искренности поступков в пределах общественного контроля можно говорить только как о таком качестве их, которое означает, что человек, поступая известным образом потому, что так предписано общественным сознанием, подчиняется авторитету этого последнего добровольно и беспрекословно, под личиной правомерности и моральности своих действий не преследует каких-либо посторонних, а тем более неблагоприятных целей. Искренность в этом смысле составляет существенное условие действительности и нравственного, и правового порядка»²⁰.

20 Как мы видим, все, что касается личной нравственности, личного чувства долга и следования ему, никак не связано с тем, что мы бы назвали нормативностью, вытекающей из общественного контроля, а следовательно не может иметь какого-либо отношения к праву. Возможно, Чичерин и прав, когда упрекает Муромцева, указывая на явный парадокс, присущий его концепции права: получается, что добросовестный должник, возвращая долг по внутреннему велению совести, находится в силу этого вне сферы права. Отметим, что в своей последней работе, с которой мы познакомимся ниже, Муромцев и всю сферу личной нравственности, чувства долга и следования ему постарается объяснить с помощью механизма социализации и усвоения внешней нормативности. Всякая нормативность, по Муромцеву, всегда определяется только внешними предписаниями, исходящими от авторитета общественного сознания, причем это общественное сознание в каждой конкретной общности свое. Мы понимаем, что в данном случае, если быть точными, Муромцев говорит не о нравственности, а о морали или даже об общественной морали.

21 Искренность, о которой речь шла выше, в таком случае – это только отсутствие лицемерия при исполнении предписаний внешнего авторитета. Но именно потому, что для внешнего авторитета важно только следование норме, так трудно бывает обнаружить лицемерие²¹.

22 В 1908 г. Муромцев подготовил предварительный вариант своей новой книги, которую он и распространил на правах рукописи. Ее название «Основы гражданского права. Человек и общество». Нельзя сказать, что это вполне законченное научное произведение, в нем еще нет аппарата, но принципы, лежащие в основе исследования, и его структура достаточно четкие и понятные. Пожалуй, с точки зрения логики изложения это наиболее удачное его произведение. Печатный вариант рукописи был распространен среди юридической общественности для предварительного обсуждения. Но работа над книгой так

не была завершена, поскольку в октябре 1910 года Сергей Андреевич Муромцев скончался.

23 Главная задача исследования – проследить происхождение всей сферы человеческой нормативности из отношений в конкретных общностях или из общественности, под которой Муромцев понимает такое объединение индивидов, когда их совместная жизнь становится постоянным условием их существования. Работа интересна тем, что свою точку зрения Муромцев постоянно подкрепляет идеями и цитатами из работ неокантианцев, в том числе Вильгельма Виндельбанда, неокантиански и одновременно позитивистски ориентированного философа и психолога Харальда (Гаральда) Гёффдинга, крайне антипозитивистски настроенного Владимира Соловьева и многих других. О Гёффдинге надо сказать особо. Этот философ был необычайно популярен в России в конце XIX – начале XX веков. Практически все его основные труды были переведены на русский язык, издавались и неоднократно переиздавались. Хотя аппарат в работе Муромцева отсутствует, но не сложно убедиться в том, что он широко использует основные идеи Гёффдинга, изложенные им в книге «Этика, или наука о нравственности: Изложение этических принципов и их применение к различным житейским отношениям».

24 Муромцев выделяет три типа человеческого бытия: индивидуальное существование, половое общение и общественность. Исследование посвящено именно этому третьему и основному виду бытия человека. Индивидуальное личное существование современного человека есть результат общественности и не может рассматриваться как предпосылка общества.

25 В основе общественности лежит совместная деятельность индивидов, которая требует и одновременно порождает правила своего регулирования. Люди постоянно находятся в нескольких сообществах, но такая разнообразная жизнь не исключает возможности и для личной жизни, именно небольшие социальные общности воспринимаются как личные. Социальная жизнь по мере развития становится все более и более разнообразной. В действительности, считает Муромцев, и здесь он цитирует Владимира Соловьева, именно бесконечное число кругов общения создает личность. Поэтому общество следует понимать как расширенную или восполненную личность, а личность – как «сосредоточенное или сжатое общество»²².

26 Муромцев стремится весь спектр человеческой нормативности объяснить посредством выведения из механизмов поддержания общественности. Для этого достаточно свести простейшие нормы, которые есть и в обществе и в сознании людей, к конкретной ситуации в конкретной общности людей. Муромцев прибегает к понятию социализации. Первая проблема, которая перед ним встает на этом пути, – это необходимость объяснить, что с человеком происходит и как он разрешает противоречия, когда одновременно принадлежит к разным общностям с противоположными интересами и противоположными нормами. Муромцев полагает, что поскольку это только внешние требования, то человек просто переключается с одних норм на другие.

27 И все же у Муромцева возникают проблемы именно с высшими нравственными понятиями, понятиями, которые ни одной конкретной общностью не регулируются. Совесть, долг, свобода – эти и другие «метафизические понятия» Муромцев пытается и, надо сказать весьма неудачно, интерпретировать в том же ключе. Он пишет: «Можно не отвлекаться вопросом о происхождении совести; составляет ли она дивный дар человеческого творения, или результат исторического развитие личности, претворяющей в чувство испытание прежних дней, — существенные черты совести, как особого психического состояния, говорят сами за себя. Совесть в каждом отдельном случае есть непосредственное сознание или, говоря образно, непосредственное предвкушение душевной муки, которая должна последовать за известным поступком. В отдельных случаях она может приводить индивида в столкновение с данною общественною средою; но в общем ее роль такова, что она влечет индивида к единению с общественностью, и в этом—ее социальное значение»²³.

28 Веление совести воспринимается личностью в качестве внутреннего голоса его собственного сознания. Человек как бы действует «не по внешнему принуждению, не из

страха пред возмездием со стороны, но по внушению собственной своей совести»²⁴. Это возвышает его в его же собственных глазах и воспринимается данным лицом как акт свободы. Но на самом деле, полагает Муромцев, совесть весьма ситуативна, она просыпается в определенный момент, при определенных и весьма конкретных обстоятельствах. «По природе своей, совесть — не что-либо отличное от мотивов, но лишь отношение мотивов между собою: совесть — мотив, действующий повелительно над другими»²⁵. Тот факт, полагает Муромцев, что «за ослушание совести, человек склонен чувствовать себя ответственным не только пред собою, но и пред другими» так же говорит нам о формировании совести в процессе социализации.

29 Примерно такие же аргументы Муромцев приводит и в вопросе о чувстве долга: «Содержание долга, в каждом отдельном случае, так же как и совести, находится в связи с тяготением личности к тому или другому общественному соединению. Относительно высшее, т. е. широчайшее общественное соединение сообщает совести и долгу значение мотива, осуществление которого связывается с наиболее полным удовлетворением личности. Достойное человеческое существование мыслится в связи с осуществлением долга, соответствующего широчайшему союзу человечества»²⁶. Тут уместно вспомнить возражение Чичерина по поводу использования понятия «общество». В данном случае эту метафизическую функцию выполняет «широчайший человеческий союз», которого не только нет эмпирически, но и концептуально трудно представить, как этот союз может формировать какую-либо нормативность по той логической схеме, которую обрисовал Муромцев.

30 Совесть, долг, свобода – все это Муромцев стремится интерпретировать в качестве результата социализации личности. Он не утверждает, что всего этого нет, он только говорит, что все эти определения внутренней свободы имеют основание отнюдь не в метафизической природе человека. То, что может представляться сознанию, и что есть на самом деле, следует не только различать, но объяснять. Муромцев приводит цитату из книги Гёффдингга, которую, похоже, надо понимать как доказательство взаимосвязанного возникновения двух иллюзий: иллюзии метафизической природы личности в греческой философии и иллюзии о первичности личности в отношении общества. Гёффдинг пишет, что в Греции «развитие индивидуальной, а отчасти индивидуалистической этики представляется в философских школах. Все большее и большее значение придавалось гармонии в собственной природе индивидуума, в его настроении и характере, а общество начинает рассматриваться в конце концов только как внешнее средство саморазвития индивидуума. В христианской идее об индивидуальной душе, которая должна быть спасена во что бы то ни стало, заключается именно такое указание на отдельную личность. Современные освободительные стремления все свободнее и свободнее противопоставляют индивиду общественным формам и считают решающим то, что выступает в индивиду и с индивидуумом»²⁷.

31 Муромцев нарисовал довольно широкую картину, показывающую взаимосвязь внешней нормативности и общественности. Но как мы помним, он выделял два разных по своей сути контроля: контроль моральный и контроль правовой. Муромцев задается вопросом, насколько принципиальным является различие морали и права, может ли вообще существовать такое принципиальное различие в одном обществе.

32 «A priori представляется невероятным, чтобы люди, строя идеалы должного, вместо единого пути шли какою-то раздвоенною дорогою и руководились различными понятиями добра и зла, смотря по тому, думают ли они о морали или о праве. Каким бы путем ни создавались моральные и правовые идеалы, их взаимное родство и взаимное соответствие представляются необходимыми. Допустить их коренное противоречие значило бы допустить невозможный дуализм и полный внутренний разлад в представлениях человека о должном. Исходя одинаково от людей, относясь к близким между собою, часто – к одним и тем же положениям и поступкам, имея одинаковое назначение – упорядочивать социальную жизнь, моральные и правовые идеалы должны согласоваться между собою. Столь же невероятно, чтобы полное раздвоение представлений могло руководить людьми»²⁸. Право и мораль содержательно не могут существенно отличаться, между ними должны быть гармоничные

отношения. Правовая охрана общественного порядка, пишет Муромцев, сопряжена с внешним принуждением, «моральная охрана, напротив, состоит из свободных форм общественного надзора»²⁹. Если юридический надзор касается внешней стороны человеческих поступков, то нравственный надзор по преимуществу касается их внутренней стороны³⁰. Мысль о том, что между правом и моралью не должно быть серьезных расхождений представляется вполне здравой. Но дальше идет мысль довольно странная для либерала. Личная нравственная сфера и внутренний мир человека должны быть защищены от всякого в нее проникновения и уж тем более для весьма странного института нравственного надзора.

33 Мы видим здесь полный разрыв не только с классической традицией в философии, но, возможно, и с либеральной традицией. Действительно, если собственное внутренне содержание личности сведено к нулю, а все, что она переживает как сугубо личное, оказывается достаточно иллюзорным и имеющим отнюдь не личную природу, то очень трудно связать эти идеи с доктринальной основой либерализма.

34 Правовому позитивизму свойственно довольно снисходительное отношение к метафизической проблематике. Иллюзия научности их методологии этому немало способствовала. С другой стороны, такие философы права как Чичерин, ставившие во главу угла науки права проблему личности и ее свободы, считали, что отказ от метафизики в этой области просто невозможен. Моральная автономия, внутренняя свобода, свобода воли, способность разумного существа к самоопределению, вся эта проблематика не может быть даже осознана в рамках редукционистской методологии позитивизма. Чичерин справедливо полагал, что теоретик права, отказываясь от исследования метафизических проблем права, на самом деле от них не избавляется, а лишь встает на самую примитивную докритическую метафизическую точку зрения. В этом отношении очень характерным является использование позитивизмом теоретического концепта «общество».

35 Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что позитивистская установка на отказ от метафизики сыграла с философией права в конце XIX в. злую шутку. Поскольку полный отказ от понятийного аппарата невозможен, постольку началось переименование «метафизических сущностей» во что-то звучащее более «реалистично». Общую волю переименовали в волю общества. Все те атрибуты, которые приписывались разуму, теперь стали приписываться обществу. Чичерин совершенно справедливо отметил, что таким образом создали невообразимое «метафизическое чудовище». Иллюзия, что «общество», а в действительности теоретический концепт «общество», можно как-то эмпирически познать средствами, которые есть у юридической науки, довольно быстро прошли. Сегодня мы не найдем сколь-нибудь серьезной работы в области философии права, написанной с позитивистских позиций. Юридическое обеспечение и сопровождение хозяйственной деятельности стало их главным поприщем. Что же касается политики, то и тут правовой позитивизм показал себя не лучшим образом. Главные либеральные политические партии в России в начале XX века (Союз 17 октября, Конституционно-демократическая партия, Партия мирного обновления и др.) были представлены в основном юристами. Последние же за весьма редким исключением принадлежали именно к самым разным направлениям правового позитивизма. Василий Маклаков позднее с прискорбием отметил, что главная ошибка либералов была в том, что они боролись не за право, а за власть. Если право с их точки зрения есть продукт распорядительных функций государства, то они поступали вполне в русле своей доктрины, борясь всеми силами за государственную власть. Но все дело в том, и это всегда отстаивал Чичерин в своих философско-правовых работах, что все как раз наоборот: государство есть порождение права, оно есть продукт развития правовых форм жизни людей, и понимать его надо не просто как систему органов власти и управления, а в первую очередь как человеческий союз, как высшую правовую форму объединения свободных людей. Но именно эту идею правовой позитивизм и отбрасывает как «метафизическую».

1. Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М.: Издание М. и С. Сабашниковых. С. 66-67.
  2. Городская Дума, как орган городского самоуправления состоял из гласных и городского головы. Гласные выбирались на три года от шести так называемых «курий» и представляли разные слои «городских обывателей». Муромцев избирался в Думу от пятой курии. Эту курию составляли горожане, имеющие университетский диплом, представители академических кругов и университетской профессуры, лица свободных профессий (художники, композиторы, адвокаты), а также банкиры и крупные предприниматели. Более подробно о структуре Московской городской Думы в тот период см. «Историческая справка о Думе»– Режим доступа: [>>>>](#) (дата обращения 11.12.2010)
  3. Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2-х тт. / Б.Н. Чичерин; примеч. С. В. Бахрушин. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. С. 353.
  4. Там же. С. 365.
  5. Там же. С. 424.
  6. Там же. С. 420.
  7. Там же. С. 424.
  8. Чичерин Б. Н. Собственность и государство / Подготовка текста, вступ. ст. и комм. д. филос. н. И. И. Евлампиева. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. С. 103.
  9. Муромцев С. А. Избранные труды / С. А. Муромцев; [сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 221.
  10. Там же.
  11. Жуков В.Н. Социология права и догматическая юриспруденция (к истории одной дискуссии в дореволюционной юридической науке) // Государство и право, 2015, №5. С. 18.
  12. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. С. 87.
  13. Там же. С. 103.
  14. Там же. С. 104.
  15. Там же. С. 33-34.
  16. Там же. С. 45.
  17. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб.: Наука, 1998. С. 22-23.
  18. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1877. С. 4.
  19. Там же.
  20. Муромцев С. А. Избранные труды. С. 458.
  21. Там же.
  22. Муромцев С. А. Основы гражданского права. Человек и общество / С. А. Муромцев. – М.: Директ-Медиа, 2014. С. 45. Приведенная Муромцевом цитата Соловьева взята из «Оправдания добра». См. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 285-286.
  23. Там же. С. 74.
  24. Там же.
  25. Там же. С. 75.
  26. Там же. С. 77.
  27. Гёффдинг Г. Этика, или наука о нравственности: Изложение этических принципов и их применение к различным житейским отношениям / Под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 93.
  28. Муромцев С. А. Основы гражданского права. Человек и общество. С. 96.
  29. Там же. С. 98.
  30. Там же. С. 100.
-

References:

1. Gøffding H. Etika, ili nauka o npravstvennosti: Izlozhenie eticheskikh principov i ih primenenie k razlichnym zhitejskim otnosheniyam / Pod red. i s predisl. L. E. Obolenskogo. Izd. 3-e. — M.: Izdatel'stvo LKI, 2012. — 400 s.
2. Korkunov N.M. Istoriya filosofii prava. Posobie k lekcijam / Vstup. St. I.D. Osipova. — SPb.: Nauka, 2019. — 505 s.
3. Zhukov V.N. Sociologiya prava: istoriya, teoriya, metodologiya // Gosudarstvo i pravo, 2013, №4, S. 20-35.
4. Zhukov V.N. Sociologiya prava i dogmaticeskaya yurisprudenciya (k istorii odnoj diskussii v dorevolucionnoj yuridicheskoy nauke) // Gosudarstvo i pravo, 2015, №5. S. 17-29.
5. Muromcev S. A. Izbrannye trudy / S. A. Muromcev; [sost., avtor vstup. st. i komment. A N. Medushevskij]. — M. : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. — 600 s.
6. Muromcev S.A. Obrazovanie prava po ucheniyam nemeckoj yurisprudencii. Izd. 2-e.- M.: Tip. A.I. Mamontova, 1886. — 103 s.
7. Muromcev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava / Vstupit. stat'ya, komment. Doktora yuridicheskikh nauk, professora YU. I. Grevcova. 2-eizd., dop. SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2004. — 224 s.
8. Muromcev S. A. Osnovy grazhdanskogo prava. CHelovek i obshchestvo / S. A. Muromcev. — M.: Direkt-Media, 2014. — 104 s.
9. Muromcev S.A. Ocherki obshchej teorii grazhdanskogo prava. Ch. 1. M.: Tip. A.I. Mamontova, 1877. — 317 s.
10. Muromcev S.A. Pravo i spravedlivost' // Russkaya pravovaya i politicheskaya mysl': Antologiya / Obshch. red. i sost. S.L. Chizhkova. — M.: Letnij sad, 2013. — 720 s. S. 532-543.
11. Sergej Andreevich Muromcev. Sbornik statej. — M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh. — 433 s..
12. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya / Solov'ev V.S. Sochineniya v 2-h tomah. T. 1. M.: Mysl', 1988. S. 47-580.
13. Chizhkov S.L. Metafizika svobody i ideya gosudarstva v filosofii B.N. CHicherina. M.: Ros. akad. nauk, In-t filosofii. 2017. — 100 s.
14. Chicherin B.N. Vospominaniya. V 2-h tt. / B.N. CHicherin; primech. S. V. Bahrushin. — M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2010. — 528 s..
15. Chicherin B.N. Voprosy filosofii. — M.: Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev i K., 1904. — 385 s.
16. Chicherin B. N. Sobstvennost' i gosudarstvo / Podgotovka teksta, vstup. st. i komm. d. filos. n. I. I. Evlampieva. — SPB.: Izdatel'stvo RHGA, 2005. — 824 s.
17. Chicherin B.N. Obshchee gosudarstvennoe pravo. — M.: Zercalo, 2006. — 536 s.
18. Chicherin B. N. Filosofiya prava. — SPb.: Nauka, 1998.— 656 s.

Б.Н. Чичерин и С.А. Муромцев: два поколения философов права в России и два подхода к пониманию природы права

Чижков Сергей Львович

Институт философии РАН

Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Во второй половине XIX в. в российской правовой науке произошли серьезные изменения: произошла не только смена поколений, но и смена принципов и методов построения науки права. В статье анализируются предпосылки такой смены, а также успехи и неудачи попыток построения философии права на основе принципов позитивизма и «реализма». В статье показано, что это течение правовой мысли несмотря на стремление преодолеть «метафизические вопросы права» или хотя бы вынести за скобки, не смогло их избежать. Критика со стороны Чичерина показала, что правовая наука не может обойти стороной вопросы, касающиеся личности и ее свободы. Эти метафизические проблемы не могут стать предметом опытной науки, а отказ от метафизики представляет собой как раз наиболее примитивную форму самой метафизики.

В статье дается общий анализ правового позитивизма и разбирается попытка Муромцева, предпринятая в его последней работе, построить гармоничную систему взаимосвязи права и морали на основе концепции полной социальной детерминированности всех видов нормативности. В статье также освещается малоизученный период совместной работы Чичерина и Муромцева в Московской городской Думе.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, С.А. Муромцев, философия права, правовой позитивизм, метафизика, личность, свобода, социология, позитивизм, нормативность

Дата публикации: 31.12.2020

Ссылка для цитирования:

Чижков С. Л. Б.Н. Чичерин и С.А. Муромцев: два поколения философов права в России и два подхода к пониманию природы права // Полилог/Polylogos. – 2020. – Т. 4. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013072-1-1/> (дата обращения: 08.12.2021). DOI: 10.18254/S258770110013072-1